

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(47):930.25"1930"

МИР ВЕЩЕЙ СОВЕТСКОГО ИНЖЕНЕРА В 1930-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКИХ АРХИВОВ)

Ю. С. Колчанова

Пермская государственная академия искусства и культуры, 14600, Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18
jukolchanova@gmail.com

Рассматривается мир вещей советских инженеров, в котором особое внимание уделяется статусным вещам, недоступным большинству горожан в 1930-е гг. На основе источников анализируются индивидуальные потребности и предпочтения технических специалистов. Это позволяет аргументировать тезис об иерархичности в их мире вещей. Анализ мира вещей технических работников позволяет частично реконструировать их жизненный мир, в котором коллективные практики дополнялись субъективным опытом.

Ключевые слова: 1930-е гг., советская повседневность, жизненный мир, советский инженер, мир вещей.

В августе 1936 г. в помещении опытно-конструкторского отдела на заводе №172, где производили артиллерийские системы для Рабоче-Крестьянской Красной армии, состоялся разговор между немолодым инженером-конструктором и медицинским работником. Речь шла о подписке на очередной заем. Врачу сообщили, «...что работник ОКО СМСЗМ (опытно-конструкторского отдела Союзного машиностроительного завода имени Молотова) Плоскирев, получающий зарплату около 1000 рублей, подписался на заем на сумму до 100 руб.» (ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д. 14713. Л.136). И он, будучи представителем горкома партии, попытался в личной беседе агитировать инженера на «подписку на месячный оклад». «Плоскирев на это ответил: "Поскольку подписка является добровольной, он дает добровольно 100 рублей, и всякие дальнейшие разговоры бесполезны"». Когда инженера попросили напомнить сумму старых займов для обмена, он ответил: «Какое право имеет Советская власть нарушать свои обязательства? Сначала обещать 8%, а потом менять свои обязательства на 4% бумаги...» (ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д. 14713. Л.136–136об).

Описанный сюжет с конструктором Плоскиревым наводит на размышления о роли денег в жизни советских инженеров. Недоумение медицинского работника от аргументированного отказа Плоскирева подписаться на больший, чем 100 рублей, заем демонстрирует различие представлений, носителями которых были инженер-конструктор и уполномоченный горкома партии. Врач был шокирован явным проявлением мелкобуржуазного индивидуализма и поэтому «ушел и больше ... с ним не встречался» (ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д. 14713. Д. 136об). Это означает, что господствующая советская идеология и предполагаемая ею готовность к самопожертвованию не исключала наличия у представителей технической интеллигенции индивидуальных черт и жизненных ориентиров, не вписывающихся в общую коммунистическую парадигму. В их совокупности они образуют жизненный мир советских инженеров.

Одним из фундаментальных элементов, имеющих конструирующее значение в жизненном мире советских инженеров, было высшее образование. Формирование и развитие образовательных практик в советском обществе в первые два десятилетия его существования реконструированы в статье В.В. Рыжковского (см. подр. [Рыжковский, 2012, с.775-809]). В контексте форсированной модернизации и первых пятилеток советское руководство сосредоточивает внимание на решении вопроса подготовки технических специалистов как носителей инженерного знания. Итогом развития высшего технического образования в первом десятилетии сталинской индустриализации стало увеличение специалистов с высшим образованием, занятых в различных отраслях советской экономики, в четыре раза (с 233 тыс.чел. в 1928 г. до 909 тыс.чел. в 1940 г.) (см.подр. [Арефьев, с. 5]).

На пермских предприятиях социальную группу инженеров составляли преимущественно

мужчины. Советский инженерный корпус в годы второй пятилетки состоял из двух неравных частей. Меньшинство принадлежало к выпускникам императорских университетов, технологических институтов и зарубежных политехникумов. Большинство же закончило советские втузы: Московское высшее техническое училище, Харьковский технологический институт, Академию им. Жуковского и др. Преимущественно это были молодые люди–партийцы или комсомольцы, некоторые с опытом участия в Гражданской войне. Большая часть их были выходцами из мещанской или рабочей среды. (см. подр. [Шаттенберг, 2011, с. 10–15]). В эпоху сталинской индустриализации инженер как носитель технической культуры приобретает высокий социальный статус. После процесса Промпартии и гонений на «буржуазных» технических специалистов в 1928 – 1933 гг. (в 1932 г. секретарь Свердловского обкома ВКП (б) писал Сталину, что на уральских заводах не осталось специалистов. – см.: [Бакулин, Лейбович, 1990, с.98 – 110]) статус инженеров был восстановлен. Их награждали орденами, приглашали на совещания к вождям, предоставляли привилегии.

Для описания этой относительно новой социальной группы целесообразно исследовать жизненный мир людей, в нее входящих. Следуя логике анализа феноменологической школы А. Шютца, П. Бергмана и Т. Лукмана, «жизненный мир» можно определить как упорядоченную структуру, состоящую из объектов, конституированных до появления субъекта. Их осознание индивидом можно сравнить с прочтением «рецептов» из «поваренной книги». Формирование жизненного мира человека происходит во взаимодействии и сосуществовании с другими людьми (субъектами). Индивидуальные переживания отдельного человека – Я, дающие субъективные знания об обыденности, «корректируются переживанием мира в опыте с другими, теми, с кем Я связан общим знанием, общей работой и общим страданием» [Шюц, 2003, с. 102]. Получается, что коллективные практики отдельного Я являются определяющим опытом для выстраивания субъективного жизненного мира.

В рассматриваемом случае субъектом выступает инженер-конструктор, имеющий высокий месячный доход и не желающий делиться с государством своими заработанными деньгами.

Возвращаясь к разговору между инженером и врачом, следует «прислушаться» к мнению конструктора Плоскирева, отличному от бытовавших представлений о государственных займах. В его суждении четко проявилось его собственное Я, не обремененное коллективными установками, которые табуировали тему денег в советском социуме. Можно было писать в газетах о высоких заработках инженеров-стахановцев, что не исключало, а, напротив, усиливало негласный запрет на индивидуальные высказывания на тему низких зарплат и денежных изъятий. Такой вербальный поступок квалифицировался как рвачество и проявление мелкобуржуазности [Вихавайнен, 2004, с. 294, с. 320–321].

Попытаемся определить смысл поступка Плоскирева. Является ли он проявлением субъектности или манифестацией социальных установок городского мещанства? Плоскирев был выходцем из купеческой среды. В терминах Й. Халльбека советская субъектность конструировалась на основе большевистской идеологии. С этой точки зрения инженер Плоскирев субъектности был лишен или не проявил ее в конкретной ситуации. Представляется, что такой подход является односторонним. Люди выстраивали свое Я как в соответствии с силовыми линиями советской идеологии, так и вопреки им.

Это и есть субъективность или субъектность («самосознание субъекта»), определение которой предложили Й. Халльбек и И. Халфин. По мнению Й. Халльбека, «субъективность» – это «определенный тип "Я", стремящийся к пониманию себя как субъекта своей собственной жизни (в противоположность восприятию себя как, скажем, объекта высшей воли). Таким образом, субъектность предполагает определенную степень сознательного участия индивидуумов в сотворении собственных жизней» [Интервью с И. Халфиным и Й. Хелльбеком, 2002, № 3. с. 219].

Тогда получается, что социальное действие инженера-конструктора, как одного из участников большевистского проекта, нельзя понимать как пассивное и нерелексивное подчинение навязываемым сверху коллективным догмам и практикам. Наоборот, оно заключалось в активном поиске собственной стратегии выживания и концептуализации собственного жизненного мира с помощью «освоения» коммунистической идеологии(см. подробнее [Хелльбек, 2010, № 4(7)]).

Концепт повседневности довольно часто применяется в современной историографии для реконструкции социальной истории сталинизма. Результаты исследований, посвященных пове-

дневным моделям поведения в советском обществе, значительно обогащают наши представления о нем.

В монографии Л. Сигельбаума «Машины для товарищей. Биография советского автомобиля» проанализировано присутствие в советском социуме такого атрибута современного общества, как автомобиль. Наличие его можно рассматривать как один из критериев индивидуализации личного жизненного опыта и как условие создания частного пространства (в данном случае в салоне автомобиля во время поездки за город). В 1930-е гг. автомобиль, особенно американской фирмы Ford (импортной или отечественной сборки) продолжал оставаться статусным предметом, связанным «с эскапистскими фантазиями и мечтами», и вызывал «в воображении мир невероятной роскоши и комфорта» [Сигельбаум, 2011, с.340]. Среди советских инженеров были владельцы автомобилей, наличие которых подчеркивало высокий социальный статус их владельцев.

О других повседневных практиках советских людей, например, связанных с потреблением предметов гардероба, можно найти в работах Ю. Гронова. В статье «Власть моды и Советская власть: история противостояния» раскрывается тезис о возвращении в 1930-е гг. «традиционной моды», носителями которой были в первую очередь представители партийно-государственной номенклатуры. Именно им была доступна «модная одежда», купленная за границей или сшитая на заказ в салоне-ателье, определяемая властью как «признак социалистической культурности» или «норма жизни» (см. подробнее: [Гронов, Журавлев]). Гардероб же простого городского обывателя формировался, чаще всего не под влиянием модных тенденций, а по причине изношенности какой-либо вещи.

Тема вещей в жизненном мире советских инженеров, тем не менее, остается неизученной, что делает наши знания об их социальных практиках, ценностных ориентирах и умственных горизонтах неполными. Обратимся к исследованию С. Шаттенберг, где показывается реальное повышение качества жизни технических служащих в середине 1930-х гг., когда Сталин провозгласил «Жить стало лучше, жить стало веселее!» Описывая мир вещей инженера из Ростова-на-Дону Валентины Богдан (Ивановой), автор обращает внимание на такие детали, как дорогие шторы, шуба и шоколад: «...в их просторной двухкомнатной квартире имелись прихожая, маленькая кухня и современные удобства – водопровод и душ...Богданы сумели накопить денег на обстановку и теперь купили три кровати, шкаф, новую посуду...и шторы из дорогого материала. Денег хватало и на няню...У Богдан деньги были, и она покупала то ящик испанских апельсинов, то килограмм шоколада за 700 рублей. Ее основной оклад составлял 500 руб., но за отдельные проектные работы платили особую премию, так что часто выходило и до 900 руб. ...Она много тратила на одежду...Она купила шубу – шубы стоили дорого, поэтому их не расхватавали сразу и за ними не стояли очереди. Но, поскольку муж сказал, что в этой обновке она выглядит "беременной", Богдан ее кому-то подарила, приобрела у "спекулянта" английский материал, раздобыла к нему подходящий меховой воротник и сшила себе пальто у портнихи. Один материал обошелся ей в 1200 руб. ... И другие вещи, из тонких тканей, батиста, с ручной вышивкой, она покупала у спекулянтов. Всегда одетая безупречно и со вкусом, она выделялась на фоне людей, носивших советские фабричные изделия...» [Шаттенберг, 2011, с. 345]. Экзотические фрукты, дорогой шоколад и одежда, сшитая на заказ из импортных тканей, т.е. вещи, недоступные большинству горожан, подчеркивали кастовость сталинских инженеров и мотивировали их компромисс с государством.

О советском инженере, например, выходец из семьи рабочего, который был нацелен на продвижение по карьерной лестнице, написала Ш. Фицпатрик в монографии «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город». Продвижение по административной лестнице позволяло получить определенные привилегии, т.е. построить свой жизненный мир, в котором будет отдельная квартира, казенная дача, автомобиль, путевка на курорт, шоколадные конфеты. Таким образом, советская повседневность демонстрирует «обуржуазивание сталинского режима» [Фицпатрик, 2008, с. 131]. Отмеченная Фицпатрик тенденция не являлась доминирующей, так как ей противостояла новая идеология, отвергавшая мещанство и «искаженное восприятие» привилегий [Фицпатрик, 2008, с. 127–128].

Распространение мещанских ценностей и идеалов в повседневном городском пространстве, на основе которых конструировался жизненный мир и советских художников в поздний сталинский период, рассматривается в монографии Г. Янковской «Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма» (см.подр. [Янковская, 2007]).

Пока остается открытым вопрос о смысле и значении вещей в жизненном мире советского инженера. Анализируя случай с конструктором Плоскиревым и принимая во внимание исследования Шаттенберг и Фицпатрик, можно предположить наличие экономических и потребительских смыслов в повседневном пространстве советских инженеров. Высокий заработок и статусные вещи позволяли техническим работникам в должности начальника заводского цеха подчеркнуть их позицию. Драки и хулиганские выходки рабочих, направленные против инженеров, создавали напряженность в их отношениях. В секретном информационном письме председателя правления «Сибугля» от 1929 г. читаем: «...а) в сентябре 1928 г. десятник шахты № 9/10 Судженки Дмитриев пытался ударить кирпичом зам[естителя] зав[едующего] шахтой техника Грачева... в) [в] завшахтой № 5/7 Судкопи инженера Кокунова, во время его занятий в кабинете, через дверь один из рабочих бросил дохлой крысой...» [Власть и интеллигенция..., 1999, с. 182].

У инженера одним из способов конструирования социальной дистанции, необходимой для реализации управленческих функций, была презентация собственного *статуса* через вещи. Не все носители инженерного знания руководили рабочим коллективом. Нельзя забывать и про конструкторов, не занимавшихся управленческой деятельностью. Их общим повседневным пространством, в рамках которого происходила самопрезентация, был кабинет опытно-конструкторского отдела.

Постараемся посмотреть на советского инженера через призму его жизненного мира, частью которого были деньги и вещи. Источниковую базу исследования составляют материалы архивно-следственных дел второй половины 1930-х гг., находящиеся в Пермском государственном архиве Новейшей истории (ПермГАНИ). Многие инженеры, работающие на пермских оборонных заводах (завод № 19 имени Сталина и завод № 172 имени Молотова), были репрессированы в период с 1936 по 1939 г. по статье 58 УК РСФСР 1926 г. и приговорены либо к исправительно-трудовым работам, либо к высшей мере наказания. Специфика этих источников заключается в том, что тема вещей в них имеет маргинальный характер. Следователей она не интересовала. Они решали другие задачи. Значит, эта тема в архивно-следственных документах не была сфабрикована.

Мир вещей можно реконструировать на основе описей имущества, которые составлялись следственными органами в момент ареста, обратив пристальное внимание на мелочи повседневного существования, о которых обвиняемые инженеры иногда рассказывали во время допросов.

Репрессиям были подвергнуты в основном инженеры с высоким социальным статусом. Наличие у них автомобиля и других вещей, которые можно было обнаружить в квартирах и домах немногих советских горожан в 1930-е гг., свидетельствует о высоком социальном положении владельцев этих вещей. Среди прочих автомобилей, разъезжавших по пермским дорогам, привлекал внимание бордовый восьмицилиндровый «Форд-18» («Виктория»), принадлежавший начальнику нескольких цехов завода № 19, инженеру-механику Л. С. Татко (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14339. Конв. Л. 6). Трудно сказать, была ли это премия наркома тяжелой промышленности или инженер купил его на свои деньги. Но можно утверждать, что Татко получил этот автомобиль по доверенности, выписанной Всесоюзным объединением «Торгсин» в 1932 г. Значит, «Виктория» Татко имела заграничную сборку в отличие от более распространенных «Фордов» модели «А», выпускаемых на Горьковском заводе.

Попробуем поделить мир вещей советских инженеров на деньги и статусные предметы. Деньги, автомобиль, радиотехника, костюм-тройка, золотые часы – все это мы находим среди вещей некоторых сталинских инженеров.

Тема денег незначительно отражена в источниках, так как было не принято говорить о них в советском социуме. Демонстрация работником своей нацеленности на высокую зарплату считалась неприличной. Тем не менее случай с Плоскиревым не является единственным. Весной 1934 г. на заводе № 19 возник конфликт между начальником технологического отдела Ш. И. Брискиным и инженером Шендеровичем, который «проявил себя за время работы как склочник, создающий в Отделе нездоровую обстановку». Он, «будучи назначен на срок испытания руководителем группы технологов по алюминиевым деталям, не проявил достаточной квалификации и инициативы для выполнения возложенной на него задачи» (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 7928. Т. 3. Л. 283). О причине конфликта мы узнаем из заявления Брискина, в котором он обратился к директору завода с просьбой об увольнении инженера. В документе читаем: «По работе старшего технолога инженер Шендерович получил при утверждении оклада в 500 рублей вместо 550, установленных для него при испытании по руководству группой. Несмотря на то, что этот оклад в данном случае был для

него максимально возможным, инженер Шендерович очень болезненно воспринял это изменение оплаты, и не раз обращался ко мне с настойчивыми просьбами восстановить прежней оклад на том основании, что он якобы на голову выше других технологов в Отделе...» (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 7928. Т. 3. Л. 285).

Этот сюжет еще раз показывает значимость денег в жизненном мире технических специалистов. Получается, что деньги – это то, за что приходилось бороться, не скрывая своих меркантильных интересов. Для того чтобы зарабатывать, инженеры переходили с одного предприятия на другое, участвуя в так называемом «переманивании». Увеличение заработной платы, например на 25 %, очень часто являлось для них веской причиной поменять место работы [Власть и интеллигенция..., 1999. с. 183]. Существовал «готовый рецепт», как заработать больше, применяемый работниками завода № 19: «...против никогда не выступай, не критикуй, не вскрывай недостатки, а говори сколько угодно, хвали начальство, хвали порядки (будь подхалимом) – и тогда будет все прекрасно, получишь быстрый "рост" в продвижении на руководящие посты, повысят оклад и огребать будешь кучу премиальных» (ПермГАНИ. Ф. 231. Оп.1. Д. 35. Л. 24). Следование этому «рецепту» могло обеспечить успех. Так, вчерашний студент Московского авиационного института, откомандированный на завод № 19 в 1937 г., показал пример того, как надо зарабатывать деньги. Цитируем документ: «Анатолий Ив. Сабуров, комсомолец, кандидат партии. Хорошо грамотный технически, очень инициативный парень, в институте был активистом, ярким противником всех недостатков, а здесь замолчал. Почему спрашивается? Получил хороший оклад – 725 руб., хорошо премируют, посулили командировку за границу – и только. Попробуй он выступи, покритикуй – и все это разлетится как мыльный пузырь» (ПермГАНИ. Ф. 231. Оп.1. Д. 35. Л.27).

«Рассмотренные под микроскопом» минимальный сторублевый заем Плоскирева, 50 рублей Шендеровича, 25 процентное повышение зарплаты – это те «мелочи», которые имели важное значение для жизненного мира советских инженеров.

Не только высокий оклад определял статус технических специалистов. Автомобиль, который для инженера был роскошью, а не средством передвижения, символизировал признание и привилегированность. Это была статусная вещь, которой премировали отличившихся инженеров. Иногда технические специалисты покупали автомобили на свои честно заработанные деньги. У инженера М.С. Владимирова была легендарная «эмка» с цельнометаллическим кузовом, разработанная на базе четырехцилиндрового американского «Форда» и собираемая на советском конвейере с 1936 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Наблюдательное дело. Л. 11). Стоимость автомобиля представительского класса в конце 1930-х гг. составляла примерно 10 тыс. руб. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Арифно-следственное дело М. С. Владимирова. Л. 32). Большинство автолюбителей владели более дешевым и доступным автомобилем советской сборки – «Фордом А». На конвейер производство этих моделей было поставлено с 1932 г. на Горьковском автозаводе по договоренности с американской фирмой. Можно предположить, что автомобили инженеров чаще стояли в гараже, чем были в пути. Отсутствие дорог, заправочных станций и автомастерских не способствовало частым и дальним путешествиям на машине. В мире вещей сталинских инженеров автомобиль, наверное, был самым дорогим и недоступным большинству горожан символом избранности. Традиция фотографироваться рядом с автомобилем еще больше подчеркивает его ценность среди других статусных вещей технических работников.

Инженеры любили не только фотографироваться, но и фотографировать. Поэтому у многих из них были фотоаппараты. Начальник эксплуатационно-ремонтного отдела завода № 19 М.С. Владимиров предпочитал делать снимки немецкой камерой «Zeiss» со сменяемым объективом (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 14520. Л.7). Модели этого фотоаппарата начнут производить в послевоенном СССР под названием «Киев-2» и «Киев-3».

Из заграничных командировок инженеры привозили в своих тяжелых чемоданах радиолы и грампластинки для патефонов, а иногда и патефоны. У инженера Брискина, побывавшего в Америке в 1934 г., была американская радиола «Lafayette». Учитывая ее громоздкость, можно представить, как было непросто везти эту вещь из-за границы (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Л. 13).

Профессиональный навык инженеров делать заметки объясняет наличие у них записных книжек. Начальник механического цеха завода № 19 С.П. Мартыненко во время служебной командировки в Германию приобрел или получил в подарок небольшой ежедневник на 1931 г. в красной кожаной обложке. Эта записная книжка примечательна тем, что на ее первых страницах была пред-

ставлена информация о структуре завода с подробным расположением цехов, на котором Мартыненко проходил стажировку (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Конверт 1. Л. 55–85).

Во время поездок за границу у инженеров появлялась возможность приобретать не только технику, но и одежду, которую с таким трудом приходилось «доставать» в советских магазинах. Об этом читаем в беседе инженера И.И. Молчанова с диспетчером завода № 19 А.С. Басиным: «он стал высказывать свои недовольства, что очень трудно жить, купить мануфактуры, платья и обуви, нет никакой возможности, кругом очереди, да и то мало выбрасывается на рынок, одним словом, мысль сводилась к тому, то легкая промышленность слабо развивается, что между тяжелой промышленностью и легкой существует разрыв. Много жаловался на качество выпускаемых на рынок товаров, купишь ботики проносишь два-три месяца и они развалились» (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Л. 14). По сравнению с пустыми советскими магазинами берлинский универмаг «Wertheim» был потребительским «раем». Он привлек внимание не очень хорошо одетого советского инженера А.Г. Баранова, который вместе с тремя другими инженерами прожил в Берлине около недели в июле 1933 г., пока не получил американскую визу для поездки в служебную командировку на завод Wright в Патерсоне (штат Нью-Джерси). Именно в этом универмаге Баранов «купил себе костюм, который переделали в мастерской в этом же магазине» (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 32об). Костюм, сшитый на заказ или купленный в магазине, был базовой вещью в гардеробе инженера.

Чтобы составить представление о мире вещей инженера, посмотрим на опись имущества, принадлежащего М.С. Владимирову (сохранены правописание и стиль документа): «...радиола ФК Виктор Компании модуль № 341 (приемник заграничный) – 1, грампластинки заграничные – 90, грампластинки отечественные – 26, произведения Пушкина – 6 т., произведения Лермонтова – 5, произведения Гоголя – 5, Анатолий Франс – 5, художественная литература на английском языке – 14 книг, автомобильные часы № 54251 – 1 шт., секундомер заграничный – 1 шт., стол письменный дубовый – 1 шт., диван дубовый – 1 шт., пальто драповое демисезонное – 1 шт., костюм темносиний из бастона – 1 пара, костюм серый под поношенный – 1 тройка, удостоверение о премировании легковой машиной, сберегательная книжка Владимиров М.С. с остатком вклада на сумму две тысячи (2000) рублей, фотоаппарат фирмы «Цейс», бачек для проявления к фотоаппарату, лейка (фотоап) в футляре кожаном – 1, ванна д/пленки – 1, запасные линзы – 2, приспособление д/автосъемки – 1, запасные кассеты д/пленки – 4, фото-пленка в банке – 1» (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Л. 7-10).

Таим образом, помимо готовальни, маркирующей профессиональный статус ее владельцев, у советских инженеров были заграничные фотоаппараты, радиолы, а также автомобили. Они составляли мир вещей советских инженеров как носителей современной культуры. К традиционным символам достатка можно отнести золотые часы, шерстяной костюм-тройку.

Изучение мира вещей советского инженера позволяет частично восстановить жизненный мир и повседневные структуры, в которые он был включен. В этом мире есть значимые вещи, которыми дорожили, с учетом того, с каким трудом они «доставались». На вершине иерархии вещей находился автомобиль. Его, подчеркивающего статус, могли себе позволить лишь немногие. Радиолы и фотоаппараты, купленные за границей, не были случайными вещами в домах носителей инженерно-технического знания. Костюм из берлинского магазина создавал образ человека, умеющего хорошо одеваться, но не имеющего возможности это делать. В 1930-х гг. у инженеров был ограниченный выбор жизненных стратегий. Фактически он сводился к приобретению вещей, позволяющих им проявить свою индивидуальность. Через все эти вещи можно «рассмотреть» индивидуальные черты субъекта, проявление «Я», выраженное в осознании собственной значимости и интеллектуальной свободы.

Список источников

- Доверенность. 14 ноября 1932 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14339. Конверт.
Заключение зам. начальника Учетно-архивного отдела УКГБ при Совете Министров СССР по Молотовской области. 13 марта 1957 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Переписка.
Записная книжка С. П. Мартыненко // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Конверт.
Заявление директору завода № 19 от начальника Технологического отдела 3-го цеха Ш. Брискина. 11.05.1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928. Т. 3. Л. 283–287.
Куров, Ермаков – Промышленный отдел ЦК ВКП (б). 11 февраля 1938 // ПермГАНИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 35. Л.

24–35.

Опись имущества, принадлежащего Ш. И. Брискину // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928.

Опись имущества, принадлежащего М. С. Владимирову // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Л. 7–10.

Постановление о конфискации имущества. 7 июля 1940 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Наблюдательное дело.

Протокол допроса обвиняемого Баранова А. Г. 11.09.1936 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399.

Протокол допроса обвиняемого И. И. Молчанова. 20.11. 1940 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7928.

Протокол допроса свидетеля Г. М. Гурвича. 02.12.1936 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 135–136.

Библиографический список

Арефьев А. Л., Арефьев М. А. Об инженерно-техническом образовании в России. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/publ/Inkzenerno_tehnicheskoe.pdf (дата обращения: 13.02.2015).

Бакулин В.И., Лейбович О.Л. Рабочие, спецы, партийцы: о социальных истоках «Великого перелома» // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С.98 – 110.

Вихавайнен Т. Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб., 2004. 416 с.

Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1929–1932: сб. док. / сост. С.А. Красильников, Т.Н. Осташко, Л.С. Пашенко, Л.И. Пыстина. Новосибирск, 1999. 360 с.

Гронов Ю., Журавлев С. Власть моды и Советская власть: история противостояния. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/12/21/fashion/> (дата обращения: 13.02.2015).

Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хельбеком (перевод Л. Могильнер) // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 217–261.

Рыжковский В.В. Высшее специальное образование в 1880 – 1930-х гг. (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.). М., 2012. С. 775–809.

Сигельбаум Л. Машины для товарищей: Биография советского автомобиля / пер. с англ. М.И. Лейко. М., 2011. 430 с.

Хельбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 4(72). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html> (дата обращения: 13.02.2015).

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город / пер с англ. Л.Ю. Пангина. М., 2008. 336 с.

Шаттенберг С. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. / пер с нем. В.А. Брун-Цехового, Л.Ю. Пангиной. М., 2011. 478 с.

Щюцц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова. М., 2003. 336 с.

Янковская Г. А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007. 312 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.08.2014

WORLD OF THINGS OF A SOVIET ENGINEER IN THE CONTEXT OF FORCED MODERNIZATION IN THE 1930s (BASED ON THE PERM ARCHIVES)

Ju. S. Kolchanova

Perm State Academy of Art and Culture, Gazety Zvezda str., 18, 614600, Perm, Russia
jukolchanova@gmail.com

In order to restore the lifeworld of Soviet engineers in the 1930s, a researcher needs to consider collective aims and practices being formed by the communist paradigm. Self-consciousness of the subject also had a meaning that brought individuality and uniqueness into the analyzed world. For example, money was of great importance for many engineers. They were eager to receive decent wages, corresponding to their high status. To solve the problem, technical specialists developed their own strategies for survival. In practice, it was expressed in the transition to another enterprise with a higher wage, or in conformist behavior. Fight for money sometimes developed into conflicts with

the authorities. Those cases occurred despite the fact that the issue of money was considered indecent in the Soviet discourse. The world of things as a research field allows the subjectivity of Soviet engineers to be restored. The analyzed world was hierarchical: the most expensive element of luxury was a car given as a bonus or bought with money. A car as a status thing, inaccessible to most citizens, emphasized the privileged position of honored engineers. In addition to cars, the flats of technical workers with high status contained the things brought from overseas business trips, such as equipment, portable gramophones and radiograms. Many engineers had cameras and therefore liked photography and liked to be photographed. It is possible to find amateur photos of engineers captured with their status things, for example, next to the car. The presence of those “rare” things created the opportunities for engineers’ self-presentation among subordinate workers or other design engineers. A well-ironed suit, tailor-made or store-bought abroad, was also to demonstrate an engineer’s self. As a result, among individual features of the subject represented by a Soviet engineer one can distinguish self-respect, a sense of intellectual freedom and realization of elite position.

Key words: the 1930s, soviet daily routine, lifeworld, Soviet engineer, world of things.

References

- Doverennost. 14 noyabrya 1932. *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 14339.
- Zaklyuchenie zam. nachalnika Uchetno-arkhivnogo otdela UKGB pri Sovete Ministrov SSSR po Molotovskoy oblasti. 13 marta 1957. *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 14520.
- Zapisnaya knizhka S. P. Martynenko. *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 7928.
- Zayavlenie direktoru zavoda № 19 ot nachalnika Tekhnologicheskogo otdela 3-go tsekha Sh. Briskina. 11.05. 1934 g. // *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 7928. Vol. 3. Pp. 283–287.
- Kurov, Ermakov – Promyshlennyy otdel TSK VKP (b). 11 fevralya 1938 *PermGANI*. F. 231. Op.1. D. 35. Pp. 24–35.
- Opis imushchestva Sh. Briskina. *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 7928.
- Opis imushchestva M. S. Vladimirova // *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 14520. Pp. 7–10.
- Postanovlenie o konfiskatsii imushchestva. 7 iyulya 1940. *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 14520.
- Protokol doprosa obvinyaemogo A. G. Baranova. 11.09.1936 g. *PermGANI*. F. 641/1. Op.1. D. 14339.
- Protokol doprosa obvinyaemogo I. I. Molchanova. 20.11. 1940 g. *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 7928.
- Protokol doprosa svidetelya G. M. Gurvicha. 02.12.1936 g. *PermGANI*. F. 641/1. Op. 1. D. 14713. Pp. 135–136.
- Arefev A.L., Arefev M.A.* Ob inzhenerno-tekhnicheskom obrazovanii v Rossii.
- Bakulin V.I., Leybovich O.L.* Rabochie, spetsy, partiytsy: o sotsialnykh istokakh «Velikogo pereloma». *Rabochiy klass i sovremennyy mir*. 1990. № 6. Pp/ 98–110.
- Fitspatrik Sh.* Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gg.: gorod. Moscow, 2008. 336 p.
- Gronov Yu., Zhuravlev S.* Vlast mody I Sovetskaya vlast: istoria protivostoyaniya. Intervyu s Igalom Khalfinym i Yokhanom Khellbekom. *Ab Imperio*. 2002. No. 3. Pp. 217–261.
- Khelbek Y.* Povsednevnyaya ideologiya: zhizn pri stalinizme. *Neprikosnovennyy zapas*. 2010. № 4(72).
- Ryzhkovskiy V.V.* Vyssee obrazovanie v 1880 – 1930-kh godakh (meditsina, selskoe khozyaystvo, finansy i ekonomika) // Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatelnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody). – Moskva: Novoe literaturnoe obrazovanie, 2012. P. 775–809.
- Shattenberg S.* Inzheneriy Stalina: zhizn mezhdru tekhniki i terrorom v 1930-e gody. Moscow, 2011. 478 p.
- Shyutts A.* Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii. Moscow, 2003. 336 p.
- Sigelbaum L.* Mashiny dlya tovarishchey. Biografia sovetskogo avtomobilya / per. s angl. M.I. Leyko. Moskva, 2011. 430 p.: il. (Istoria stalinizma).
- Vikhavaynen T.* Vnutrenniy vrag. Borba s meshchanstvom kak moralnaya missia russkoy intelligentsia. SPb: Kolo, 2004. 416 p.
- Vlast i intelligentsiya v sibirskoy provintsii. U istokov sovetskoy modernizatsii. 1929–1932. Novosibirsk, 1999. 360 p.
- Yankovskaya G.A.* Iskusstvo, dengi i politika: khudozhnik v gody pozdnego stalinizma: monografia. Perm, 2007. 312 p.